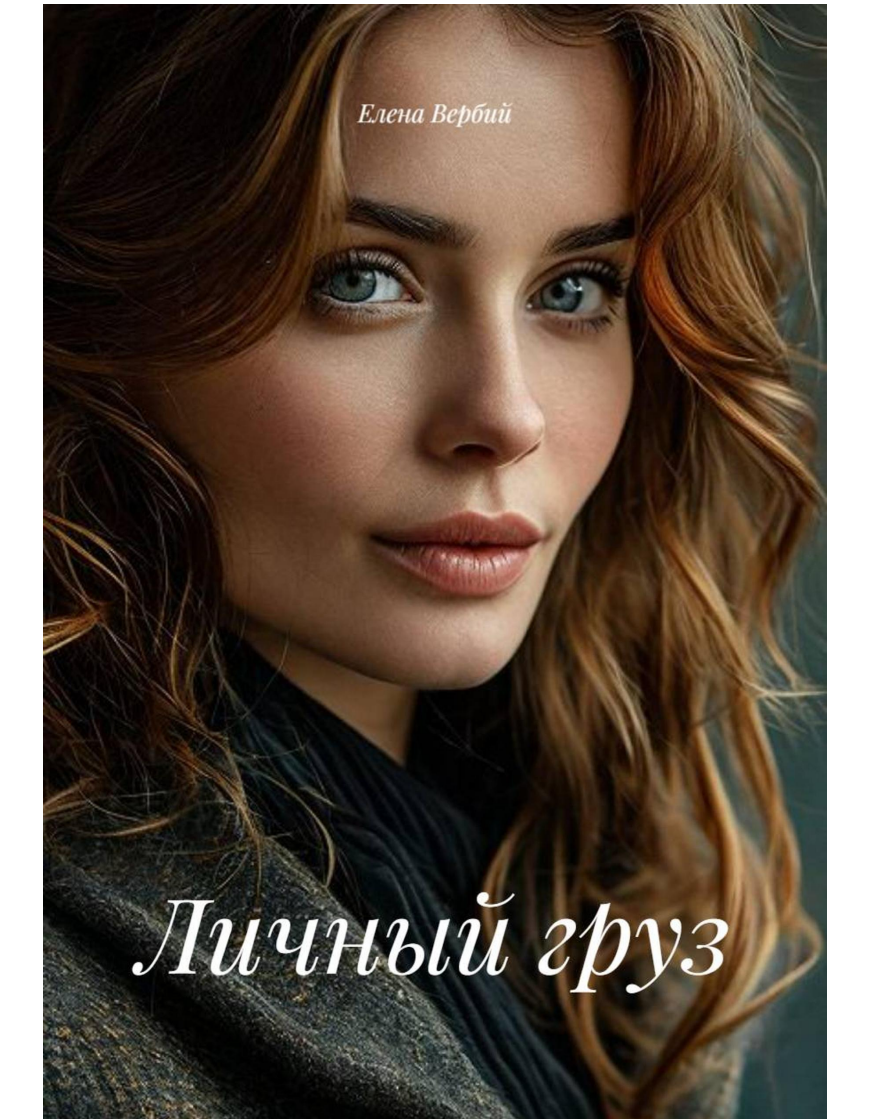

A close-up portrait of a woman with long, wavy, light brown hair and striking blue eyes. She is looking directly at the camera with a soft, enigmatic expression. She is wearing a dark, textured garment, possibly a scarf or a coat. The lighting is soft and directional, highlighting her facial features. The background is dark and out of focus.

Елена Вербий

Личный груз

Елена Вербий

Личный груз

<https://litres.ru/74181594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никогда не было легко. Не всегда грустно - время от времени бывало и весело. Всегда - неоднозначно. Но ведь так не только у меня. У вас ведь тоже?

Жизнь, она разная.

У меня – вот такая.

Содержание

Посвящается	4
Командировка	5
Кто тут следователь Фед?	29
Арбузы из Астрахани	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Вербий

Личный груз

Посвящается

Моим любимым детям, которые приняли мою работу и профессиональную деформацию, которая неизбежно изменила их маму.

А ещё коллегам — всем, кто носит погоны, мантию или удостоверение адвоката и остаётся человеком.

Предисловие

В этой книге нет документальной точности.

Это не мемуары и не отчёт о служебной деятельности. Я изменила имена, места, а иногда и обстоятельства, чтобы сохранить **суть** — то, что остаётся в памяти, когда отфильтровываются даты и фамилии.

Эти истории — автофикшн. То, чему я была свидетельницей и участницей. Это — рассказы о моей профессии: о работе в моей жизни, о моей жизни в работе.

Тут, как у Винни-Пуха: «...и того и другого. И можно без хлеба».

Командировка

Может быть, вы помните: в конце девяностых — начале двухтысячных все заборы, столбы, автобусные и трамвайные остановки были обклеены объявлениями о компьютерной диагностике в частных медицинских кабинетах. Обещалось за несколько минут выяснить абсолютно всё о состоянии здоровья. Стоимость этого удовольствия невелика — любой может себе позволить.

Люди часто наивны, а в те тяжёлые для страны годы особенно хотелось верить в чудеса. И народ не то, чтобы пошёл — побежал в частные медкабинеты. В те годы закон ещё не предусматривал получения обязательной лицензии на медицинскую деятельность, и подобные кабинеты появлялись, как грибы после дождя, чтобы ловко втюхать (извините за скудость словаря) только-только появившиеся на рынке БАДы. А как проще всего заставить человека купить «лекарство»? Напугать. Сообщить о страшной болезни и пообещать скорое и полное исцеление с помощью волшебных таблеток.

Именно по такой схеме работали самопровозглашённые «медики», но эффект длился недолго: напуганные люди спешили перепроверить диагноз в поликлинике. После нормальных медицинских обследований облегчённо переводили дух: «Слава Богу, пронесло!» Но осадочек-то оставался,

и денег потраченных на сомнительную «компьютерную диагностику» было жалко.

Посыпались жалобы. Налоговая полиция имела право расследовать не только налоговые, но и любые другие экономические преступления, в том числе мошенничество. Наши оперативники отреагировали: сходили в один такой «кабинет» как простые посетители, узнали о себе много нового, перепроверили «диагнозы» в ведомственной поликлинике и передали материалы к нам в следствие.

1999 год только начался. Совсем недавно я была назначена на должность старшего следователя и получила первое офицерское звание – младший лейтенант. Дело в том, что статус нашего Управления был настолько высоким, что должности «следователя» просто не существовало. В этом мне несказанно повезло: о получении вовремя очередных званий, вплоть до майорского, можно было не волноваться. Обязательного ношения формы с нас тогда не требовали, поэтому мы все ходили в обычной гражданской одежде, а мундир надевали только для праздничных построений.

Начальник следствия, передавая мне документы проверки, сказал:

— Изучи и через час жду от тебя выводы: есть ли здесь в чьих-то действиях состав преступления. Если есть, то у кого? И какой именно статьёй уголовного кодекса это преступление предусмотрено?

Тогдашние мои начальники и сослуживцы были замеча-

тельными людьми и профессионалами высшей пробы. Мне очень повезло постигать тонкости профессии у них.

Начальник службы и без моих пояснений прекрасно всё понял, а спросил для того, чтобы я чётко представляла задачу, ведь это было моё первое самостоятельное дело. Я пока ещё только училась расследовать дела, и мои руководители были одновременно и наставниками. Все вместе. Например, начальник моего отдела (назовём его Алексеем) поначалу даже не позволял мне отправлять самые простенькие запросы, пока его не прочитает. Ровно до тех пор, пока я не научилась составлять документы без сучка и задоринки. И перед каждым следственным действием он звал меня к себе и помогал готовиться: составлять планы допросов, обысков, выемок, учил правильно писать протоколы. Спасибо им всем!

Материалы на тот момент состояли из заявлений граждан (будущих потерпевших), их опросов, рапортов оперативников, диагнозов «кабинетных» врачей и их опровержений.

В чём заключалась «компьютерная диагностика»? Преподносилось всё так: имеется новая программа, помещённая в компьютерную приставку. К ней прилагаются уникальные наушники с инфракрасными датчиками, которые способны улавливать излучения с биологически активных точек на ушных раковинах. Человек надевает наушники, программа в приставке — последнее слово в медицине — обрабатывает «биотоки», и вуаля! Готов вердикт о состоянии вашего здо-

ровья. А теперь купите у нас специальные биологически активные добавки из Кореи или Китая, а может, прямиком из Японии, и будет вам счастье.

Составила я справку, примерный план расследования, черновой вариант постановления о возбуждении дела и пошла на доклад к начальнику. Он выслушал, одобрил и добавил:

— Дело не слишком сложное. Но будет много допросов, выемки, осмотры документов, возможно, что и обыски. Так что у тебя будет возможность учиться всему и сразу. Работай!

Трудиться предстояло много: одних потерпевших и свидетелей было человек сто, а ведь каждого предстояло допросить. Требовалось выяснить, на какой «крючок» мошенники поймали хозяйку кабинета: узнать, проводились ли или проводятся в настоящее время в действительности какие-то похожие разработки в медицинской технике?

После изъятия аппаратуры и проведения технической экспертизы выяснилось, что наушники — это просто наушники. Нет в них никаких датчиков. «Уникальная» приставка оказалась пустой пластмассовой коробкой. Вообще пустой! Представляете? А супер-пупер компьютерная программа — просто красивая видеозапись на диске. В общем, мошенничество чистой воды. Главным оставался вопрос: хозяйка кабинета знала об этом или искренне считала, что приобрела уникальную технику?

По её словам, она не сомневалась, что приобрела последнюю разработку учёных из Новосибирского научного городка. Купила за очень-очень дорого! И бухгалтерские документы предъявила: чеки, приходно-расходные ордера, договоры и так далее – много всякой бумажной шелухи. В Новосибирск она не ездила, потому что там ничего не продают простым гражданам, только в клиники. Зато ей «повезло» по знакомству с переплатой взять весь «комплект» с какого-то Московского склада.

Я отправила запросы и отдельные поручения в Новосибирск и в Москву, чтобы тамошние коллеги допросили сотрудников научного городка, руководителей торговых фирм и складов, где моя бизнес-леди приобрела свою «пустышку». Чтобы поискали человека, на которого она ссылалась как на посредника.

Из Новосибирска очень быстро сообщили, что один экземпляр экспериментальной аппаратуры был приобретён в научном городке Администрацией нашего города для областной клинической больницы. Я тут же договорилась о встрече и допросила в качестве специалиста ведущего врача этой клиники. Он подтвердил, что действительно привёз из Новосибирска технический образец, и сейчас группа врачей под его руководством занимается сравнительным анализом показаний компьютера и обычных клинических обследований. Тестируют чудо-аппарат.

Всё это было очень интересно, но ответа на основной во-

прос не давало.

Надо сказать, что в тот период высшее руководство ФСНП (Федеральной службы налоговой полиции) провело реорганизацию внутри службы: в городах федерального значения, в Москве и Санкт-Петербурге, были сформированы специальные оперативные управления для выполнения отдельных поручений следователей из других регионов.

В другие области мы отправляли поручения о проведении следственных действий непосредственно в следственные службы тамошних управлений. И к нам приходили такие поручения со всей страны. У нас было поставлено так: чужим поручениям – приоритет. Сначала помоги другу, а потом работай по своему делу. Судя по тому, с какой скоростью приходили ответы на наши поручения, в других областях следователи поступали также. Поэтому, наверно, из Новосибирска и ответили сразу, а Москва молчала.

Я выяснила имя, звание и должность сотрудника, которому отдали моё поручение для исполнения. Однако дозвониться до него оказалось задачей невыполнимой: то бесконечно «занято», то никто не брал трубку. Но это было объяснимо. Плох тот оперативник, который постоянно сидит в кабинете. Не забывайте, что это 1999 год. Эра всеобщей мобильной связи ещё не наступила, а номер домашнего телефона я, разумеется, не спрашивала, да мне никто бы его и не дал. Короче, засада.

Время шло. Отпущенные законом для расследования два

месяца подходили к концу, а у меня Москва не отработана. Без этой информации я закончить расследование не могу.

И вот мой начальник мне говорит:

— Ну, что ж, ждать дальше, только время терять. Оформляй командировку и отправляйся.

Ура! Командировка! Это ж круто! Столица, свежие впечатления, новые знакомства, продвижение в расследовании... Я была в предвкушении чего-то замечательного.

Перед отъездом начальник службы меня проинструктировал, как и что делать в первую очередь.

— Руководителя Оперативного Управления я уже проинформировал о твоём приезде, поэтому ты можешь спокойно идти прямо к исполнителю. Он будет готов к твоему прибытию, а генералу представишься, когда согласишь план работы с его подчинённым.

Ну, что ж, всё ясно и понятно. Номер в нашей ведомственной гостинице я заказала заранее, вещей взяла минимум. Погода благоволила: начало июня – прекрасная пора, когда из верхней одежды достаточно только тёплой кофты или пиджака.

Москва оказалась шумной и суетливой. Мне показалось, что люди здесь ходят исключительно толпами – особенно в метро. После нашего южного города, где лето начинается в конце апреля, а к июню солнце уже шпарит немилосердно, воздух столицы казался похожим на ключевую воду — такой же свежий и прохладный.

Я шагала по улицам и в мыслях весело напевала песенку про «иду-шагаю по Москве», ни о каких трудностях не думала. Подумаешь, чужой город! Не пустыня же. И я не в автономном плавании: приехала к коллегам, которые обязательно помогут. А как иначе?

Адреса, куда мне предстояло наведаться, я знала. Говорят, язык до Киева доведёт, не то, что до гостиницы! Добралась я до временного пристанища без приключений. Заселилась. Всё очень буднично, всё очень просто. Люди вокруг вежливые, хоть и москвичи. Я привела себя в порядок после дороги и поехала в отдельное оперативное управление, куда направляла поручение.

Вся страна знала, что Главное Управление ФСНП находится по адресу: Маросейка, 12, потому что на экраны вышел фильм с таким названием. Подразделение, в которое нужно было попасть мне, располагалось совсем рядом, на соседней улице. Как туда пройти, подсказали в дежурной части, где я поставила отметку о прибытии в командировочном листе.

И вот я уже с усилием открываю огромную дверь в монументальном здании Сталинской эпохи, которыми славится центр Москвы. Уточнила в дежурной части, на месте ли нужный мне сотрудник и направилась к нему.

Нужный мне кабинет располагался на втором этаже почти в самом конце коридора. Постучала, услышала «да!» и открыла дверь.

Вошла. Огляделась. Неплохо живут столичные оперативники. Во всяком случае, этот конкретный майор имел пусть небольшой, но отдельный кабинет, обставленный мягкой кожаной мебелью. Рабочий стол украшали письменный набор из позолоченных ручек, настольная лампа с абажуром из цветного стекла и монитор компьютера. У моего начальника следствия кабинет обставлен был куда скромнее, хотя он был целым полковником, и должность у него была генеральская. А компьютер у нас вообще был один на всю службу.

Я поздоровалась, представилась и уточнила, тот ли самый человек передо мной, кому выпало моё поручение исполнять? Хотя вопрос был чисто риторическим, потому что никто, кроме хозяина, не стал бы сидеть в кресле, задрав на письменный стол ноги. В кабинете разливался аромат вишни и дорого табака.

Крупный молодой мужчина крутил в руках курительную трубку, когда я вошла, но даже позы не изменил. Лениво поднял голову, взглядом, как сканером прошёлся сверху донизу. Смотрел неприязненно, почти с отвращением, будто надохлую лошадь.

Мне стало неудобно, но в тот момент я ещё не поняла, почему. Настроена я была дружелюбно, ожидала, во всяком случае, вежливости. И уж точно не была готова к тому, что произошло следом.

— Ты кто?

Я слегка удивилась такому хамскому вопросу, но полез-

ла в сумку за удостоверением. Развернула его, показала. Он взглянул и скривился в усмешке:

— Младший лейтенант? Я тебя вызывал?

Я растерялась.

— Нет, не вызывали. Я следовательно, вот удостоверение, — я снова распахнула документ и протянула вперёд. — У вас на исполнении находится моё отдельное поручение...

Я ещё не договорила, а он повысил голос:

— Чего мне ксиву тычешь, шалава? Как со старшим разговариваешь?

Я подавилась словами, которые собиралась сказать. На автомате засунула удостоверение в сумку, застегнула молнию. И всё это с раскрытым ртом и в полной прострации. В голове только глупый вопрос крутится: «Почему шалава?» А хозяин кабинета неторопливо спустил ноги со стола, поднялся и оказался совсем рядом. Роста он был высоченного. Я ему едва до подмышки доставала. Посмотрел он на меня сверху вниз и вдруг, как гаркнет:

— Пошла вон!

Я всё ещё стою. Ртом воздух хватаю. Слов никаких нет. И пока нет ни возмущения, ни обиды. Одно глухое непонимание: за что? Это же не может происходить на самом деле?

Он, не дожидавшись моей реакции, вдруг вырвал у меня из рук сумку и вышвырнул из кабинета в коридор. Снова рявкнул:

— Вон пошла!

Но я, как стояла остолебевшая, так и стояла, не в силах пошевелиться. Тогда он внезапно схватил меня за шею сзади, вытолкал в коридор и захлопнул дверь. Я сделала несколько шагов по инерции, чтобы не упасть, потёрла шею, где ещё чувствовала жёсткий захват, и остановилась, так и не поняв, как такое могло случиться и почему. Меня начало тихонько потряхивать.

Сумка сиротливо валялась у противоположной стены. К счастью, закрытая. Ничего из неё не выпало. Я медленно подошла, подняла сумку, прижала её к груди обеими руками и прислонилась к стенке.

Мимо по коридору, кажется, ходили какие-то люди. Не помню. Я была настолько оглушена, что не замечала вокруг вообще ничего. Побрела вперёд мимо дверей. Их много — коридор длинный. Глаза скользят по табличкам. И вдруг взгляд цепляется за надпись: «Начальник Управления». Пожалуй, сюда-то мне и надо.

Зашла. Крохотная приёмная. Женщина за письменным столом. Я указала на дверь в глубине, спросила:
— У себя?

Она только кивнула и не остановила меня, когда я направилась к этой двери. Может, вид у меня был какой-то такой, что она не рискнула. Не знаю.

Я отворила дверь без стука. Кабинет большой. Начальственный. Стол для совещаний буквой «Т». Во главе за столом черноволосый моложавый мужчина в форме гене-

рал-майора что-то пишет. Он поднял голову, посмотрел на меня вопросительно. Я прошла прямо к нему, даже не спросив разрешения, уселась на один из стульев напротив и сообщила:

— Однако, сейчас я буду плакать.

Тут у меня какой-то очень громкий всхлип вырвался, и я зажала рот ладонью, а из глаз потекли слёзы. Очень много слёз. Просто Ниагарский водопад какой-то. Я сидела, зажимала рот, а слёзы все текли и текли. Никак у меня не получалось остановиться. И всё это беззвучно. В голос рыдать было стыдно.

Генерал-майор всполошился, выскочил из-за стола, побежал в приёмную. Потом они вместе с секретаршей наперебой предлагали мне чай, воду, минералку, даже сигареты. Секретарша куда-то сбегала и принесла стакан с зелёной жидкостью, от которой пахло лекарствами. Когда основная волна моей истерики схлынула, генерал сел на стул рядом со мной и спросил:

— Вы кто? Что случилось?

Говорить я ещё не могла. Трясущимися руками полезла в сумку, достала удостоверение, командировочный лист, копию своего поручения, на котором были записаны входящий номер их управления и фамилия исполнителя — того самого майора. Выложила это всё на стол.

Генерал посмотрел мои бумаги. На лице у него появилось понимание. Спросил:

— Вы сейчас от него?

Как это он так быстро догадался? Я кивнула. Генерал смотрел с таким участием, что я опять заплакала. Даже не подумала, что грубо нарушаю субординацию. Мне было всё равно. Меня снова накрыло удушливой волной пережитого унижения. Я даже шею потёрла, на которой, наверно, синяки от майорских пальцев остались. Слёзы текли и текли. Уже не такой всё сокрушающей волной, а тихо и горько.

Начальник Московского оперативного управления легонько похлопал меня по руке, в которой я носовой платок сжимала, и говорит:

— Плачьте, не стесняйтесь. Я вас попрошу: когда немного успокоитесь, напишите на моё имя рапорт и всё, что произошло, изложите в самых мелких подробностях. Довести женщину до такого состояния — это уже слишком. Всё хорошо будет. Командировку вашу мы отработаем. Это я вам точно говорю. Пейте чай, успокаивайтесь и пишите. Прямо в моём кабинете. Никуда уходить не надо.

Вот так я в генеральском кабинете и чаю напилась, и успокоилась, и рапорт написала, где изложила всё в подробностях.

Пока я писала, генерал своей секретарше о чём-то распорядился и потом рядом сидел, чаю мне в чашку подливал, помогал в рапорте мысли формулировать. Только мной и занимался, будто иных дел у него не было. А когда я закончила и уже окончательно успокоилась, он вызвал майора.

Но, прежде, чем тот вошёл, секретарша на генеральский стол ещё несколько исписанных листов положила.

И вот входит мой обидчик. Высокий, холёный, уверенный в себе. Вошёл с улыбкой, а меня увидел и скривился, будто лимон съел.

Я отвела взгляд. Тяжело было на него смотреть.

Генерал к тому времени за свой стол вернулся. После того, как майор спросил, как положено:

— Вызывали, товарищ генерал-майор?

Начальник управления спокойно спросил:

— Вызывал. Вам на исполнение поступало поручение следователя из ...ского Управления?

— Поступало.

— Поручение исполнено?

Молчание.

— Я задал вопрос, — генерал не повысил голоса, но в нём явственно металл лязгнул.

Я коротко глянула на майора. Он вздёрнул подбородок и, нехотя, соизволил ответить.

— Нет.

Генерал вышел из-за стола. Ростом он был пониже своего подчинённого, но тоже достаточно высокий. Встал напротив майора. Теперь уж я смотрела во все глаза. А взгляд у начальника управления... Не хотела бы я, чтоб на меня кто-нибудь посмотрел с таким ледяным презрением.

— Следователь к вам заходила? — он на меня не указы-

вал, но и так понятно было, о ком речь.

Я невольно выпрямила спину.

— Эта, что ли? — майор на меня бросил взгляд. — Ну, заходила, но меня о её прибытии не уведомляли. Младший по званию в кабинет к старшему офицеру без вызова входить не имеет права. Я её не вызывал, поэтому из кабинета выставлял.

Он ничуть своего поступка не смутился и на начальника управления смотрел снисходительно-насмешливо.

Я прерывисто вздохнула. От его слов у меня опять слёзы навернулись. Я их вытерла украдкой, но решила, что взгляд отводить не буду. В конце концов, я ни в чём не виновата. Они сейчас передо мной стояли, как актёры на сцене.

Чёрные генеральские глаза сузились.

— Информацию о прибытии следователя я довёл до личного состава вчера на совещании. Вы не слышали? Или вам требуется индивидуальное пояснение? — генерал вдруг перешёл на «ты»: — Ты кем себя возомнил? Местным царьком?

Генерал вернулся к столу, взял один из документов. Как я поняла из дальнейших слов, это был мой экземпляр отдельного поручения. Генерал протянул бумагу майору.

— Читай, что тут написано. Вслух читай!

Майор посмотрел на лист.

— Отдельное поручение по уголовному делу.

— На чьё имя поручение направлено? Читай!

— Начальнику оперативного Управления ФСНП города Москвы генерал-майору налоговой полиции...

— Читай, кем подписано.

Генерал гаркнул так, что майор вздрогнул.

— Старший следователь следственной службы младший лейтенант налоговой полиции...

Генерал с отвращением посмотрел на подчинённого.

— И ты до сих пор не понял? — спросил он уже на тон ниже. — Звание не имеет значения, если речь о расследовании. Следователь направил поручение в оперативную службу. К исполнению поручение принял я, — генерал выделил голосом последнее слово, — и доверил отработать его тебе. А ты ничего не сделал.

После недолгой паузы он продолжил:

— Сколько дней по закону исполняется поручение следователя?

— Десять, — через силу выдавил из себя майор.

Генерал покачал головой.

— Три дня. Десять — это крайний срок. А ты за полтора месяца не справился. То есть сначала ты своим бездействием сделал меня нарушителем закона, а теперь ещё старшего по должности оскорбил действием.

Лицо майора пошло пятнами.

— Почему старшего? — с возмущением воскликнул он. — Она младший лейтенант, а я майор.

Генерал вернулся за свой стол.

— Я уже объяснил. Но для тебя разжую и в рот положу, чтоб запомнил. Она следователь! Должность у неё выше, чем у тебя! Не по званию, не по звёздочкам на погонах — по закону уголовно-процессуальному. Ты сейчас мальчик на побегушках у следователя. Она на период исполнения поручения твой непосредственный начальник. Если бы ты просто женщину унизил — это было бы недостойно и мерзко, но осталось бы хулиганством. Но то, что произошло — другое. К тебе пришёл руководитель следственной группы. Сотрудник нашего департамента при исполнении, а ты на неё руку поднял — это должностное преступление.

Я закусила губу. А ведь точно! Я об этой стороне случившегося даже не вспомнила. Что значит шок!

Генерал, тем временем, продолжал:

— Как я вижу, ты ни уголовного, ни процессуального закона совсем не знаешь. Значит, занимаемой должности не соответствуешь. У меня на столе лежит не заявление обиженной гражданки, а рапорт оскорблённого сотрудника, к которому ты применил силу. Я бы с удовольствием лично тебя наказал по-мужски, но не могу. Зато могу рапорт следователя в службу безопасности передать. У меня и показания свидетелей собраны. Наши сослуживцы видели, как именно ты её из кабинета выгнал, как сумку её бросил. Впереди тебя ждёт служебная проверка и привлечение к уголовной ответственности за нападение на следователя.

Генерал начал перебирать бумаги на столе.

Майор побледнел и вроде даже в росте уменьшился. Вот только что стоял довольный двухметровый прожигатель жизни, хозяин всего и вся, а теперь, белый как мел, с мечущимся взглядом растерянный человек. Он взглянул на меня. И столько в его глазах было злого недоумения и возмущения. «Из-за тебя! Это всё из-за тебя!»

Повисшую паузу ни хозяин кабинета, ни, тем более, я не прерывали. А майору понадобилось какое-то время, чтобы осознать масштаб грядущей катастрофы. Наконец, он заговорил:

— Товарищ генерал-майор, какое преступление? Она же младше по званию, как она может быть моим начальником? За что под суд?..

Генерал смотрел на него, по-моему, даже не мигая, и молчал. Майор нервно сжал кулаки и взглянул на меня.

Есть такое выражение: «плюнь, да поцелуй». Про то, что можно даже самое противное действие сделать в отчаянной ситуации. У майора на лице было написано, как сильно он в эту минуту ненавидит и меня, и хозяина кабинета, сколько усилий прилагает к тому, чтобы сдержать эмоции, ведь начальника управления никуда не пошлешь и взащей из кабинета не выкинешь. А таких последствий для себя майор даже не предполагал.

— Я могу извиниться, — сдавленно выдавил он.

Генерал усмехнулся.

— Чего ждёшь? Извиняйся. На колени вставай. Лбом об

пол бейся.

Майор на шаг отступил, на лице недоумение, глаза расширенные, потрясённо у начальника спрашивает:

— Вы это серьёзно? Чтобы я мужчина и офицер так унижался перед какой-то... бабой?

Генерал холодно ответил:

— Был бы ты мужчина и офицер, сейчас бы здесь не стоял, — и уже совсем другим тоном обратился ко мне: — У вас, Елена Ивановна, на сколько дней командировка оформлена?

Я встряхнулась немного, а то сидела, замерев, как мышь под метлой. Удивилась: откуда он моё имя знает? Ах, да, я же удостоверение показывала. Надо же, запомнил. Я встала и ответила.

— На пять дней, товарищ генерал-майор.

Он кивнул.

— Садитесь, чего вы вскочили? Вам можно. Вам разрешаю. Очень хорошо. Майор, слушай приказ. На эти пять дней поступаешь в полное распоряжение следователя. Выполняешь малейшие её пожелания, распоряжения и указания. Перед окончанием командировки, — он сделал запись на перекидном календаре, — я жду вас, Елена Ивановна, в этом кабинете с докладом о том, как вёл себя майор, и насколько его помощь была результативной. А ты, — он посмотрел на оперативника, — имей в виду, что от слов следователя твоя судьба зависит. Следователя возишь на личном транспорте и кормишь за свой счёт. Исполнять. Свободен.

Майор совсем с лица спал. Буркнул: «Так точно», — и вышел.

Потом генерал и меня отпустил, но перед тем сказал:

— Вот так при вас его отругать — это, к сожалению, всё, чем я ваши слёзы пока возместить могу. Отпустило вас хоть немного?

Я кивнула.

— Да. Спасибо вам.

Он встал.

— Не надо «спасибо». Извините, что в моём управлении с таким безобразием столкнулись. Если вдруг он даже посмотрит косо, вы не стесняйтесь. Сразу докладывайте, — я снова кивнула. — Можете идти.

Я ещё раз поблагодарила и ушла. Майор ждал в коридоре. На меня не глядел. Мрачно проговорил:

— Готов приступить к исполнению поручения.

Все последующие пять дней он действительно утром ждал меня у гостиницы, возил, куда надо, а вечером доставлял обратно. Должна сказать, что без него я вряд ли справилась бы так быстро. Он нагло с полпинка распахивал двери таких кабинетов, к которым я одна даже подойти не рискнула бы. А когда возникла необходимость допросить каких-то руководителей или бухгалтеров различных крупных фирм, или сотрудников налоговых инспекций, один вид майора в форме и его презрительный взгляд на окружающих с высоты двухметрового роста делал всех покладистыми и разговорчивыми. В

общем, должна отметить, что решение генерала приставить ко мне в сопровождение майора очень меня выручило.

Всё, что было необходимо сделать, я сделала. Кого надо — допросила, документов изъяла два баула. Выяснила, что фирма, у которой моя подозреваемая купила диск с видеозаписью, наушники и пустую коробочку, благополучно закрылась. И концов я не найду, за пять дней уж точно. Но для меня это было не так уж и важно. Главное, я теперь точно знала, что моя подследственная была обманута. И не она одна. В Московском управлении в следствии было возбуждено аналогичное дело. Местные следователи и оперативники (нормальные, а не такие, как майор) активно искали мошенников.

Выполнять распоряжение генерала о том, чтобы обедать за счёт сопровождающего, я не стала. Завтракала и ужинала в гостинице, а обеды просто пропускала, занимала их работой. Не хотела я есть за его счёт. Хватит того, что на машине возил и видом своим всех пугал.

С точки зрения расследования командировка удалась. Перед отъездом я зашла к генералу. Доложить о проделанной работе, о поведении майора, попрощаться и поблагодарить. Он в ответ отмахнулся.

— Не за что меня благодарить. Это вам спасибо. Ваш рапорт последней каплей стал, теперь я этого молодчика гарантированно из своего управления уберу.

На вокзал меня отвёз тот же майор. Все эти пять дней

он со мной не разговаривал: не отвечал на мои приветствия по утрам, когда приезжал к гостинице, не прощался вечером, доставляя обратно. Подчёркнуто вежливо разговаривал в моём присутствии с женщинами, если представлялась возможность. Наверно, надеялся уязвить.

В первый день я недоумевала и досадовала, ждала, что, может, всё-таки извинится. Во второй старалась не обращать внимания, а к концу третьего дня уже посмеивалась про себя. Общались мы так: я сообщала, какую организацию мне необходимо посетить, что изъять и кого допросить — он исполнял. Молча. Вот и до вокзала довёз, дождался, пока я с вещами выгружусь, дверь захлопнул и газанул с места. Только покрышки взвизгнули.

Он не извинился даже формально. Была бы его воля, он в мою сторону, наверно, даже не плюнул бы. А я принимала его присутствие как полезную необходимость — и только.

Мне не довелось узнать, почему он ни с того ни с сего на меня набросился, какая вожа ему под хвост попала? Случилось с ним что-то или он просто «по жизни» моральный урод? Откуда взялась такая немотивированная агрессия в отношении меня — женщины, которую он увидел впервые? В общем-то, меня эти вопросы не интересовали. Пусть живёт со своими тараканами. Мне-то что.

Но как же славно было вернуться к себе в управление! Просто дом родной. Стоило появиться на работе, как начальник следствия тут же зашёл к нам с «напарницей». Так мы

в шутку называли друг друга с соседкой по кабинету. Он вообще любил заходить в кабинеты к следователям, а в наш — чаще других, потому что только у нас была кофеварка, а начальник наш был завзятый кофеман.

Девочка, с которой я делила кабинет, обожала цветы, и они превращали казённое помещение в островок почти релаксации. Она даже небольшой аквариум с какими-то экзотическими рыбками притащила из дома. Красота и уют, одним словом.

Вот так почти в домашней обстановке за чашкой кофе я и доложила о результатах командировки, а за одно и об инциденте. Начальник слушал внимательно, не перебивая, и пил горячий кофе маленькими глоточками, поглядывая на меня с лёгким прищуром. А когда я закончила, он неторопливо поставил чашку на стол и сказал:

— Знаю. Мне начальник оперативного управления звонил. Рассказал в двух словах. Тебя хвалил. Молодец, что не растерялась, не раскисла. Он просил передать, что майора уволили по статье за несоответствие, халатность и нарушение служебной субординации. Там помимо тебя ещё много всякого накопилось. Обещал, что проследит, чтобы дело без волокиты в суд передали. Никакие связи этому молодчику не помогли. А что с москвичами работать трудно — это правда, так что наплюй и не вспоминай.

Должна сказать, что никакого особенного удовлетворения от такой новости я не почувствовала. Ну, да. Обидчика мо-

его наказали. Но это не стёрло воспоминаний о пережитом унижении.

Спустя месяц после моего возвращения, на моё имя пришёл рапорт из Москвы, подписанный генерал-майором, в котором он уведомлял меня о том, что «в ходе командировки следователя отдельное поручение по уголовному делу № ... Московским Оперативным Управлением исполнено».

Дело, возбуждённое по факту мошенничества с использованием поддельной медицинской аппаратуры, мы передали в Москву, а в отношении хозяйки медицинского кабинета уголовное преследование прекратили, потому что доказать, что она была в сговоре с мошенниками не удалось.

Вот такой получилась моя первая служебная командировка. Можно сказать: боевое крещение.

Кто тут следователь Фед?

Случилась эта история зимой в середине нулевых. Я тогда в наркоконтроле работала. Во время моего дежурства задержали сбытчицу героина. Тогда жизнь была намного проще. Проверочные закупки проводили без затей: «закупщик» барыге передавал деньги, а тот в ответ – свёрточек с веществом. И никаких заморочек с интернетом, никаких безналичных переводов. Всё элементарно, Ватсон! Не то, что сегодня...

Возбудила я дело в отношении этой девушки (назовём её Надя), отработала всё, что положено, и на следующий день – 12 января запланировала предъявить «летучку» – первоначальное обвинение, и жуличку арестовать. Ходатайство об этом я с самого утра в суд отвезла. Мне и время конкретное уже назначили – после обеда ближе к вечеру.

У нас в наркоконтроле конвой был собственный, что очень облегчало работу следователям. Утром привезли ко мне подследственную, адвокат уже ждала, и мы все дружно начали работать. Всё шло спокойно до моего сообщения об аресте. И вот тут Надя заявляет:

– А меня не примут в СИЗО, – и смотрит победительницей. – Избирайте мне подписку о невыезде, я, честное слово, скрываться не буду.

Ну, да! Я прямо сразу и поверила! Смотрю на адвоката –

дескать, помогай! Она мой посыл поняла правильно и начала объяснять, почему ареста не избежать.

Надюшка скривилась и перебила:

– Я всё это и без вас знаю, не первый раз привлекаюсь. И пока всё тип-топ было. Ничего крупнее условия! А в тюрьму я не хочу, да и не возьмут меня туда. Я беременная немножко. Месяца два наверно. А вот ночью живот прихватило. Думала, что траванулась, а там кровищи, как с гусыни. Выкидывш, наверно. А с кровотечением в СИЗО не возьмут, я точно знаю.

Ой-ёй! Не стала девушку разочаровывать и рассказывать, что со справочкой от врача очень даже возьмут, никуда не денутся. Тем более, что девушка врёт, скорее всего, но вооружиться для суда заключением от врача о возможности содержания под стражей надо.

– Чего ж ты молчала? – спрашиваю. – Мы больше часа беседуем, а ты только сейчас об этом вспомнила! Раз такое дело, повезу тебя к гинекологу. Пусть врач разъяснит нам, нуждаешься ты в лечении или нет.

Пошла руководству докладывать: мол, так и так, надо жучличку срочно в гинекологию свозить до ареста. Начальник со мной согласился и разрешил взять спецмашину для перевозки задержанных. Для этой цели в одной из хозяйственных «буханок» внутри клетку приварили.

Приехали в женскую консультацию. Я сразу к заведующей. Объяснила что у нас и как. Она прониклась нашей про-

блемой и вызвалась сама сделать осмотр немедленно. Единственная заминка – конвой. С одной стороны мужчине на столь интимном осмотре делать нечего! А с другой – они её от себя отстегнуть не имеют права. И что делать?

Я решила, что пристегну Надю к себе и буду вместо конвоира присутствовать при осмотре. Отвернусь к стеночке. Кому это вообще интересно, кроме профильного специалиста? Так ведь?

Но тут врач в позу встала:

– Существует врачебная тайна и врачебная этика...бла-бла-бла... кабинет на втором этаже, окна заперты и даже заклеены по причине холодов, дверь будет заперта. Осмотр или проведу как положено: один на один – или вовсе осматривать не буду!

Ещё и пристыдить меня пыталась, что, дескать, как это я женщина и не войду в положение другой женщины. Это же аморально! Хотя я, честное слово, до сих пор не понимаю, в чём заключалась моя аморальность в той ситуации. Ладно! Время-то идёт! Чтобы больше не препираться, согласилась. Верхнюю одежду Надину мы с адвокатессой между собой поделили. А ещё я жуличкины джинсы прихватила, когда она перед осмотром раздеваться начала. На всякий случай. Врач осуждающе головой покачала, губы поджала, но промолчала. И вот оставила я их одних, дверной замок за моей спиной щёлкнул.

А я конвоиру, к которому Надя прикована была, говорю:

– Давай перестрахуемся! Встань на улице под окном этого кабинета. Мало ли! Деваха сама сказала, что опытная и в тюрьму не хочет. Лучше перебдеть.

Он убежал, а мы с адвокатессой перед запертой дверью остались. Отошли в сторонку, сели на диванчик. Ждём. Через несколько минут у меня сотовый в сумке запиликал. Конвоир с улицы звонит.

– Ты как в воду глядела! Она из окна сиганула в одной блузке и трусах. Там под окнами сугроб большой намело. Когда я подбежал, она в нём барахталась, вылезти пыталась. Хорошо, я вовремя успел. Похоже, попрыгунья ногу сломала. Лодыжка уже распухла и синяя вся. Легко отделалась, могла ведь и шею свернуть. Шмотки её тащите, простудится же дура голозадая!

Меня с диванчика как подбросило! Бегу к кабинету, а дверь мне на встречу уже распахивается. На пороге врачаха стоит, за голову держится. Причёска на бок сворочена, щекам чёрные от туши ручки слёз текут. Говорит:

– Только отвернулась перчатки надеть, а она меня стулом – и в окно! Я даже не поняла ничего.

Женщину жалко, но допросить придётся, не то хитроумная Надя возьмёт в суде и скажет, что я её пытками заставила дать признательные показания, и ногу для наглядности продемонстрирует. Поэтому пусть врач в подробностях расскажет, как и почему от неё шустрая деваха в окно со второго этажа в одних трусах метнулась.

К счастью, заведующая консультацией особо не пострадала. Испугалась – да. Растерялась. Не смогла девчонку от прыжка удержать, но отделалась простой шишкой.

Я осталась врачу допрашивать, а Надюшкины шмотки адвокатессе доверила в машину отнести, она пообещала, что подзащитной своей таблеточку пенталгина даст, чтобы боль притупить.

Вам может показаться жестоким, что мы не бросились первым делом жуличку к хирургу доставлять. Ну, простите! Я разорваться не могла. Выпускать подследственную из поля зрения я больше не собиралась, а без показаний врачихи из консультации уйти не могла. Потому что пока мы будем Надиной травмой заниматься, врачиха возьмёт и уйдёт домой нервы и шишку на голове лечить. Ищи её! Нет уж! Сначала дело, остальное – потом.

Теперь, после попытки побега, Надюшка от СИЗО точно не отпрыгнет. Невесёлый каламбур получился.

В суд привезли мы нашу жуличку с загипсованной ногой. Но всё это присказка. Сказка сейчас начнётся.

Дело было, напомним, 12-го января. «К чему это уточнение? — спросите вы. – Какая разница?» Я вам отвечу: большая разница, потому что 12 января – день работника прокуратуры. А знаете, сколько судей до получения мантии трудились в прокуратуре? Много.

Я потому и запомнила дату с такой точностью, что именно в этот замечательный праздник повезло нам с Надей прие-

хоть очень сильно после обеда в суд для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Посадила я её с конвоирами и адвокатессой на лавочку около судейского кабинета и пошла к дежурному судье, доложить о прибытии.

Надо вам сказать, что далеко не в каждый судейский кабинет простой следователь может просто войти, даже если очень вежливо постучит и порог переступит с поклонами. Не пустят. Особенно, если ты приехал в суд не своего района, и тебя тут первый раз видят.

Надя наша жила и «работала» в самой отдалённой части нашего большого города. Поэтому я не к судье пошла, а к его секретарю. Я уже говорила, что документы на арест привезла с утра, и что время мне было назначено конкретное. Потому-то меня и выбили из колеи все эти Надюшкины выкрутасы с прыжками из окна и необходимостью ехать в травмпункт. Я очень боялась опоздать. Но мы успели тютелька в тютельку, и я рассчитывала, что теперь волнения позади, сейчас быстренько Надюшку арестуют, и можно будет спокойно выдохнуть и вернуться в Управление.

Секретарь мне сказала:

– Вам повезло. Прокурор как раз здесь. Только они с судьей ещё в процессе. Ждите.

Я вернулась к своим. Села рядом с Надей и адвокатессой. Конвой рядом к стенке притулился. Ждём. Десять минут ждём. Полчаса. Сорок минут.

Надюшка ныть начала, что нога болит. Адвокатесса хихикает, что не выйдет ничего с арестом, потому что она, кажется, догадывается, в каком именно «процессе» прокурор и судья. Конвойные тихонько о чём-то переговариваются и тоже хихикают. А мне вообще-то не до смеха. Время уже к шести близится, скоро нас из суда просто выгонят, потому что рабочий день закончится, а у меня срок задержания истекает!

Рассердилась я, словами не высказать, как! И пошла к председателю суда. Вот просто пошла – и всё. Секретаршу в приёмной проигнорировала, будто она стул. Дверь в председательский кабинет чуть не пинком распахнула.

А там застолье. Шум, смех, посуда звенит. С моим появлением пауза повисла, и тихо стало. Вся компания на меня дружно уставилась. И я на них уставилась. Наверно очень злым взглядом, потому что все присутствующие замерли, как кролики перед удавом. Я воздуху набрала и дрожащим от злости голосом говорю:

– Поздравляю вас, коллеги, с профессиональным праздником! Однако у меня срок задержания сбытчицы истекает. Ходатайство моё должно было быть рассмотрено ещё час назад. Спасите, помогите! А то беда будет.

Во главе стола женщина сидела весьма высокомерного вида. Она чуть встряхнулась и неожиданно спокойно сказала:

– Идите в третий зал. Процесс начнётся через пять минут.

– Спасибо, – говорю. – Извините за беспокойство, и ещё раз с праздником.

Вышла и бегом за нашими, потому что третий зал – это вот тут, около кабинета председателя, а мы ждали около зала дежурного судьи – вообще на другом этаже. Вы спросите: «А чего не позвонила-то? Сотовый же в кармане!» Да потому, что мне казалось, что если я не буду двигаться, то никто и не пошевелится. Тело требовало движения. Я про телефон даже не вспомнила.

Конвоиры мои Надюшку на руки подхватили и вихрем по коридору, да по лестнице в нужную комнату. В клетку решили не заводить – никуда она в «браслетах», да с гипсом не убежит.

И вот мы уже в зале судебных заседаний. Опять ждём.

Не через пять минут, чуть дольше, но, наконец, зашёл и сел на своё место местный прокурорский, а ещё через минуту отворилась боковая дверь около председательского стола, секретарь громко провозгласила:

– Прошу всех встать!

Мы встали. На пороге появился судья.

Начал заходить.

Медленно-медленно. Осторожно. Ощупью. По стеночке. Нёс себя, как хрустальную вазу. Он три шага до своего кресла полз дольше, чем мы Надю с этажа на этаж перемещали. Но дошёл. Молодец. Оглядел нас мутным взором, рукой махнул, буркнул:

– Пр-ршу с-сдится!

И в кресло рухнул. Посидел. Нащупал на столе бумаги и

заговорил. Было видно, как человек старательно двигает губами, но язык подводит, а подлые слова за зубы цепляются и во рту норовят остаться. И получается у него примерно вот так:

– Н-н-нч-ч-н...м-мм...Н-начнаеммм р-р-рас-с-сметрнье хдатств-ва следватля фед... следватля фед...

Он поднял голову. На лице недоумение. Выпятил нижнюю губу, нахмурился, снова посмотрел в бумагу и решительно спросил:

– А хто тут следвтль Фед?

Я встала. Представилась.

Судья страшно удивился:

– Да-а? Пчму? А где же следвтль Фед? Вот тут написано «Фед»! – он для наглядности ещё и пальцем в бумагу потыкал.

Конвоиры за моей спиной похрюкивать начали. Адвокатесса рукой лицо прикрыла и просто ржёт. Прокурор сдержанно улыбается. Даже Надюшке весело. Только мне не смешно. Ни капельки!

Говорю:

– Там написано: «следователь Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков».

– Правда? – удивление у судьи искреннее, как у ребёнка. Он рассматривал моё ходатайство, то приближая его к лицу, то отдаляя.

Наконец, ему надоело, он перевёл взгляд на нас. Его лицо

начало вытягиваться, как в замедленной съёмке: брови поползли вверх, а кончики губ – вниз:

– А-аа эт-т шшто? – плохо сфокусированный взгляд задержался на Надюшкином свеженьком гипсе.

Та обрадовалась, давай тараторить:

– Это я ногу сломала, ваша честь. Прошу меня в тюрьму не отправлять, я же на одной ноге никуда не убегу.

Судья голову рукой подпёр, чтобы она на стол не брякнулась, меня взглядом нашёл:

– А следвтль ш-што скажет?

Я опять встала:

– Девушка обвиняется в совершении тяжкого преступления. А ногу она повредила во время попытки побега от конвоя.

Судья падающую голову уже двумя руками держит, напрягается, в столешницу взглядом упёрся.

–Пркурр?

– Поддержваю следоватля. Пршу хдатайство удовлетворить, – прокурор проговорил свою реплику почти без запинки.

Судья тяжело вздохнул, губы подковой скривил:

– Жулик? М-мм... Пдсл... Пдслед-ствен-ной слово...

Надюшка поднялась на одной ноге, ту, что в гипсе вперёд вытянула:

– Так говорю же, ваша честь, куда мне на одной-то ноге скакать? Прошу подписку избрать.

Судья сидел с закрытыми глазами и держался за голову, как за спасательный круг. Надюшку выслушал, кивнул так низко, я думала, что лбом об стол ударится. Но он вовремя голову обратно вздёрнул:

– Зщ-щ-щита...

Адвокатесса встала, кусая губы, чтоб смех сдержать:

– Поддерживаю позицию подзащитной. Прошу учесть наличие травмы и в удовлетворении ходатайства отказать.

Судья с трудом раскрыл глаза:

– Пнятно! Жулик... кгхм... подсл...пд-следствн-ную и дргих уч-часникв суд выслушл. Для пр-рнятя ршенья суд удл-ля-ается... – он хотел встать с кресла, но стоило бедняге выпрямиться, как его повело в сторону, и он – плюх обратно. Посмотрел на нас и сообщил: – Суд взврщается. Ну... вы пняли. Всех зкрыть. Ршшение у скретря, пчать в канцлярии...

Он перевёл мутный взгляд на прокурора и махнул ему рукой:

– Пшли обртна. Пмги...

Прокурор на неверных, подгибающихся и заплетающихся ногах, расставив руки в стороны для равновесия, качаясь, дошёл до судейского стола, помог председательствующему выбраться из кресла, и они, поддерживая друг друга, побрели к двери кабинета, из которой явился судья.

Секретарь вынесла решение об аресте минут через десять.

Забрала я у неё документ, поставила печать в канцелярии,

и повезли конвоиры шуструю жуличку в СИЗО.

Подробности её ареста разлетелись по Управлению молниеносно! Меня ещё долго приветствовали словами: «Кто тут следователь Фед?»»

Арбузы из Астрахани

В тот день я дежурила, поэтому домой не торопилась. Соседка по кабинету ушла, а я сидела у компьютера и писала обвинительное заключение. Работа несложная, скорее, муторная.

Вдруг дверь кабинета открывается и входит Миша Сычѳв – уже два дня, как начальник отдела дознания, а вообще-то он из следователей.

Заходит и прямо с порога радостно восклицает:

– Ленок, сделай мне подарок!

У меня брови наверх полезли.

– И тебе привет, – говорю. – С чего бы это?

– А у меня сегодня день рождения! – сообщает он и улыбается.

– Поздравляю, конечно! – я подпѳрла челюсть кулаком. – Чувствую, однако, что это «ж-ж-ж» — неспроста! Говори уже прямо: чего тебе надобно, старче?

– Ленок! Вот честное слово, тебе это ничего не будет стоить! Ты же сегодня дежуришь?

Я кивнула. Михаил воодушевился ещѳ больше.

– Вот! И я сегодня дежурю! Сделай мне подарок – подежурь за меня! А то я уже высшему руководству управления поляну пообещал, а тут опера сообщили, что работа для дознания будет. Ты же знаешь, что у меня в отделе, кроме на-

чальника, пока никого. Выручай!

Это была чистая правда. Отдел дознания только-только организовали. Начальником предложили стать следователю, а вот в дознаватели к нему другие следаки переходить не хотели. Это у Мишки – должностной рост, а у остальных получилось понижение и лишение всяких дополнительных «плюшек»: в дознании отсутствовали льготная выслуга и юридический стаж.

Так вот, смотрю я на него во все глаза. Удивляюсь:

– Вот это у тебя запросики! А моё руководство в курсе твоих желаний?

Сычёв сел за стол напротив.

– Само собой! Таможня дала «добро».

– Надо же, – говорю, – как легко быть добрым за чужой счёт. Ты что же, точно знаешь, что опера сегодня ночью спят?

У моего собеседника вид сделался загадочный, он понизил голос.

– Наоборот, – говорит, – я точно знаю, что сегодня первый отдел работает! Говорят, есть сведения, что из Астрахани в фурах с арбузами везут большую партию герыча! Инфа стопудовая! Первый отдел, кстати, собирается «старшим братьям» дорогу перебежать. Соображаешь?

Ничего я не «соображала» и покачала головой в полном недоумении. Сычёв закатил глаза и сделал такое лицо, будто тупее меня только валенок.

– Фээсбэшникам! Теперь поняла?

Я кивнула.

– Теперь поняла. И что?

– Осознала, насколько всё серьёзно? Согласна выручить?

Это ж потом тебе дело по крупной перевозке останется! Прикинь, как классно для показателей.

Я усмехнулась:

– Сразу видно, что ты теперь начальник – показателями мыслить начал. И к чему такой подкат издавека, если ты уже всё с начальством решил?

И вздохнула:

– Вот и выходит, что ты, как пел Высоцкий: «врун, болтун и хохотун». Куда уж мне начальству возражать. Считай, что уговорил.

Сычѳв радостно подскочил со стула и побежал на выход, на пороге обернулся:

– Спасибо, Ленок! Я этого не забуду!

– Иди уже, новорожденный, проставляйся руководству.

Подхалим.

На всякий случай я, конечно, у своего родного начальника уточнила, в курсе ли он, что меня за дознание отработать попросили. Оказалось, что – да. И добавили, что для следствия ночью вообще никакой работы не предвидится. Я даже имела неосторожность обрадоваться.

Примерно часа через полтора звонит мне оперативник из того самого первого отдела:

– Мне сказали, что за дознание ты сегодня дежуришь?

– Да, а что?

– Тогда выходи! Я тебя отвезу. Мы фуры уже остановили. Только ты, это... – голос в трубке замялся, — будь готова – там начальство понаехало в полном составе.

– Спасибо, что предупредил, – я вздохнула.

Терпеть ненавижу в присутствии начальства работать. Замечаний не оберёшься, причём даже не всегда «потом», частенько прямо во время работы и указывают, что не так.

Ну, да не об этом речь. Вернёмся к нашей истории. Итак, я взяла сумку, набрала бланков и пошла.

Привёзли меня на самую окраину – дальше только «степь да степь кругом». Чуть-чуть не доезжая до стелы с названием города, раскинулась довольно большая площадка. На ней стоят огромные фуры. Числом десять штук. А в стороночке в рядочек выстроились начальственные легковушки, начиная с генеральской и заканчивая личным авто начальника группы связи, которому служебный автомобиль по штату не полагался. Все наши замечательные руководители — «руками-разводители» кучкуются около скромного Мишкиного «жигулёнка»: он там на капоте прямо «скатерть самобранку» организовал.

Я ещё подумала, что странно как-то в таком месте, да ещё при досмотре фур день рождения отмечать. Впрочем, не моё это дело. Зато никто с замечаниями не лезет, а это совсем неплохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.